

Успенский Александр Иванович

**Стенопись Благовещенского собора в
Москве по поводу реставрации 1884 года**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Иванович У.**
Стенопись Благовещенского собора в Москве по поводу реставрации 1884 года / Успенский Александр Иванович – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-519-78380-4

ISBN 978-5-519-78380-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СТѢНОПИСЬ БЛАГОВѢЩЕНСКАГО СОБОРА ВЪ МОСКВѢ

(по поводу реставраціи 1884 года).

А. И. Успенскаго.

Свѣдѣній о стѣнописи Благовѣщенскаго собора за XV—XVII вв. мы имѣемъ очень немного. Извѣстно, что прежнее зданіе храма было украшено стѣннымъ писъмомъ въ 1405 году Теофаномъ-иконникомъ—грекомъ, старцемъ Прохоромъ съ Городца (Радонежскаго) и чернецомъ Андреемъ Рублевымъ ¹⁾.

Но, по общепринятому мнѣнію, произведеніямъ этихъ мастеровъ не суждено было сохраниться,—въ 1482—1484 гг. соборъ былъ разобранъ, и къ 1489 году было построено нынѣ существующее зданіе церкви. Въ новомъ храмѣ стѣнопись была исполнена иконописцемъ Θεодосіемъ Денисьевымъ,—«повелѣ, —читаемъ мы въ лѣтописи,—великій князь Василій Ивановичъ подписывать церковь Благовѣщенья Св. Богородицы, у себя на дворѣ, а мастеръ Θεодосій Денисьевъ сынъ съ братією» ²⁾. Писалъ Θεодосій по золотому фону.

¹⁾ Тое же весны почаша подписывать церковь каменную Св. Благовѣщенья на князя великаго дворѣ, не ту иже нынѣ стоитъ, а мастера бяху Теофанъ иконникъ Гречинъ, да Прохоръ Старецъ съ Городца, да чернецъ Андрей Рублевъ (Никон. III, 257; Софійскій Временникъ, ч. I, стр. 405).

²⁾ Впрочемъ, В. Д. Фартусовъ держится особаго мнѣнія, которое, въ виду его оригинальности и остроумія, приводимъ здѣсь цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что оно нигдѣ не было напечатано. Вотъ оно: Лѣтопись подъ 1482 годомъ говоритъ: „Того жъ лѣта начаша рушити церковь на площади Благовѣщенья, верхъ сняша и лубьемъ покрывша“, а подъ 1483 г.: „Того жъ лѣта разруши князь великій Благовѣщенье на своемъ дворѣ, подписанную только по казну и по подклѣтъ, и заложилъ казну около того подклѣта и палату кирпичну съ казнами“. Это выраженіе лѣтописи г. Забѣлинымъ понимается такъ: „Въ 1484 г. прежнее зданіе Благовѣщенскаго собора было разобрано до подклѣта, то-есть до нижняго цокольнаго этажа, въ которомъ въ древнее время обыкновенно помѣщалась кладовая палатка для сохраненія всякой казны, и который въ то время былъ увеличенъ пристройкой къ нему вокругъ новыхъ кладовыхъ палатъ на распространенномъ подклѣтномъ бѣлокаменномъ этажѣ и основано новое зданіе собора, несомнѣнно, по плану противъ прежняго обширному“ („Моск. Вѣдом.“ 1884 г.). Иными словами, приведенное мѣсто лѣтописи, по моему разумѣнію, толкуется г. Забѣлинымъ въ томъ смыслѣ, что соборъ былъ разобранъ и возведенъ вновь на старомъ на распространенномъ фундаментѣ. Для меня подобное выраженіе г. Забѣлина о распространеніи фундамента на старомъ мѣстѣ совершенно непонятно. Прочитавъ это толкованіе г. Забѣлина, съ перваго взгляда убѣдитесь, что оно при неясныхъ выраженіяхъ лѣтописи представляется слишкомъ смѣлымъ и возбуждаетъ рядъ сомнѣній. Сомнѣнія эти болѣе увеличиваются, если вы спросите себя: зачѣмъ понадобилось ломать до основанія крѣпкую каменную постройку черезъ какія-нибудь 80 лѣтъ по ея сооруженіи и строить новую на ея мѣстѣ? Не-возможно предположить, чтобы она настолько обветшала, что требовала совершеннаго уничто-

Послѣ пожара 1547 года стѣнопись собора, несомнѣнно, была возобновлена псковскими и новгородскими иконописцами:

женія, въ то время, какъ Троицкій соборъ въ Сергіевой лаврѣ, Саввинъ монастырь въ Звенигородѣ и Андроньевъ монастырь въ Москвѣ цѣлы до сегодня. Если предположить, что цѣлью новой постройки было расширеніе прежняго собора, какъ говорить г. Забѣлинъ, то въ невѣрности этого предположенія убѣдить сравненіе стѣнъ собора съ основаніемъ стараго фундамента его, которое покажетъ, что соборъ вовсе не расширенъ. Навѣрно, у великаго князя хватило бы средствъ выстроить новый соборъ въ большемъ размѣрѣ, а онъ теперь гораздо меньше, чѣмъ каждая изъ вышеназванныхъ построекъ великаго князя Василя Дмитріевича бѣдныхъ той времени монастырей. Не менѣе страннымъ представляются и выраженія лѣтописей объ этой постройкѣ тогда, какъ о всѣхъ новыхъ постройкахъ временъ Іоанна III (Успенскій, Архангельскій соборы и др.), возведенныхъ на старыхъ мѣстахъ, лѣтопись выражается совершенно ясно: „разобраша старую церковь ветхости ради и новую заложиха“, а о Благовѣщенскомъ соборѣ рѣчь идетъ лишь о верхѣ, палатѣ и казнахъ.

Вышесказанныя сомнѣнія, довольно убѣдительныя сами по себѣ, перейдутъ въ увѣренность въ томъ, что старыя стѣны собора цѣлы до сего времени и что соборъ никогда не былъ разобранъ совсѣмъ, если попытаться разсмотрѣть лѣтописное извѣстіе въ связи съ остатками старыхъ построекъ, сохранившихся до сего времени.

Лѣтописное извѣстіе сообщаетъ намъ прежде всего о томъ, что, незадолго до передѣлки, церковь Благовѣщенія была „подписана“, что до передѣлки существовала казна подъ поломъ церкви. Новыя постройки состояли въ устройствѣ другой казны около подклѣта и кирпичной палаты съ казнами. Обращаясь къ существующей теперь постройкѣ собора, увидимъ, прежде всего, центральный четырехугольникъ его, т.-е. старое основаніе собора и приложенный къ нему сводъ изъ бѣлаго камня, находящійся подъ каменнымъ поломъ собора и упирающійся въ это основаніе. Изучая подробно устройство этого свода, ясно видно, что сводъ и основаніе собора—двѣ постройки разныхъ временъ: сводъ приложенъ къ старымъ стѣнамъ собора, а не выведенъ вмѣстѣ съ ними, что видно изъ способа самой кладки. Основаніе выложено изъ почти нетесаннаго, неравнаго и крупнаго размѣра камня, а сводъ изъ равнаго тесаннаго камня, не крупнаго размѣра, подобно камнямъ стѣнъ собора Успенскаго; извѣсть же въ основаніи фундамента собора мягче, чѣмъ въ сводѣ. Намъ лѣтопись передаетъ, что во время построекъ, бывшихъ при Аристотелѣ, извѣсть по его указанію растворялась гуще, т. е. клеевитѣи, а также имъ были указаны способъ «тесанія» камня въ болѣе правильныя формы. Исслѣдовать это мнѣ удалось во время кладки печей, которая производилась одновременно съ моей работой.—Подъ этимъ сводомъ, вѣроятно, и помѣщалась упомянутая первая великокняжеская казна. Идя дальше, увидимъ, что съ трехъ сторонъ центральнаго квадрата древняго основанія собора пристроены корридоры съ кирпичными сводами, ко торые и имѣютъ, кромѣ наружныхъ стѣнъ, еще внутреннія, примыкающія къ основнымъ стѣнамъ собора, такъ что эти корридоры представляютъ собою самостоятельную кирпичную постройку. Подъ этими корридорами и ихъ стѣнами находится выложенная изъ бѣлаго камня и значительно углубляющаяся въ землю площадь (снаружи эта площадь не видна, но я узналъ о ея существованіи, когда рыли ямы и канавы для печей), а надъ ними кирпичная палата, обращенная въ придѣлъ св. Николая, существующій до сего времени, и сѣни, т.-е. теперешняя паперть отъ Краснаго крыльца. На существованіе этихъ стѣнъ при великомъ князѣ Іоаннѣ III прямо указываетъ лѣтопись, говоря объ освященіи Благовѣщенья „на Сѣняхъ“ (Соф. Врем. 1489 г.). Изъ этихъ розысканій нетрудно было видѣть, что эти корридоры и палаты съ сѣнями, возведенныя около основанія собора, то-есть, по лѣтописи, „подклѣты“, и были пристройками великаго князя Іоанна III, о которыхъ говоритъ лѣтопись. Это изслѣдованіе какъ кладки, такъ и извѣсти этихъ кирпичныхъ корридоровъ, съ кладкой и извѣстью стѣнъ собора, возведенныхъ на старомъ основаніи, и показало разницу разновременныхъ построекъ. Чтобы вывести заключеніе съ несомнѣннымъ извѣстіемъ лѣтописи о разрушеніи стѣнъ по казну и „по подклѣты“, пришлось прибѣгнуть къ болѣе тщательному изслѣдованію всѣхъ стѣнъ собора, которое и привело меня къ полному разрѣшенію о выясненіи обо всѣхъ постройкахъ времени великаго князя Іоанна III.

Исслѣдуя алтарную стѣну, я увидѣлъ, что три полукруга, которые составляютъ ее и существуютъ теперь, не были постройкой, одновременной съ другими основными стѣнами собора. Эти три полукруга приложены къ старымъ пилѣстрамъ и составляютъ съ ними и другими стѣнами собора постройку новую. Употребивъ тотъ же пріемъ, какимъ я уже пользовался, я сравнилъ кладку кирпичей и извѣсть и увидѣлъ, что старыя пилѣстры сложены одинаково со стѣ-

Соборная паперть впервые была украшена стѣнописью въ іюнѣ 1564 года.

Въ 1648 году на паперти стѣнное письмо повелѣно было писать наново.

нами собора, а три полукруга одинаковы съ кирпичной палатой и казнами. Наконецъ, изслѣдуя дальше, я увидѣлъ въ алтарной стѣнѣ слѣды проломовъ, не доходя до верхняго свода, бывшихъ необходимыми для увеличенія алтаря при устройствѣ этихъ полукруговъ. Изъ всего этого получалось у меня слѣдующее заключеніе: алтарная стѣна была, дѣйствительно, разрушена по нижніе и верхніе своды собора (а по лѣтописи „по казну и по подклѣтъ“), а вмѣсто нея устроены три полукруга около старыхъ столбовъ. Оставалось разяснить, о какомъ „верхѣ“ идетъ рѣчь въ лѣтописи? Къ сожалѣнію, адѣсь нѣтъ у меня точныхъ данныхъ, и мнѣ осталось довольствоваться только предположеніями. Была ли разломана крыша, или только для пролома стѣны былъ снятъ верхъ надъ престоломъ—балдахинъ, висѣвшій на цѣпяхъ, укрѣпленныхъ въ стѣнахъ (позолоченный при великомъ князѣ Василии Іоанновичѣ въ 1508 г.)? На немъ помѣщались деисусъ, праздники и пророки; подобный верхъ есть и въ Успенскомъ соборѣ. Я склоняюсь къ послѣднему предположенію на томъ же основаніи, что незачѣмъ было крыть лубьемъ крышу, такъ какъ стѣнопись достаточно защищали уцѣлѣвшіе своды. Справедливо или нѣтъ мое предположеніе, однако, я буду утверждать, что, кромѣ алтарной стѣны и пробитой сѣверной и южной дверей къ верху, стѣны не были тронуты; въ противномъ случаѣ, если соборъ разрушенъ до основанія, что было покрывать лубьемъ, очевидно, для сохраненія стѣнописи и иконостаса отъ пыли при работахъ?

Сводя вмѣстѣ все сказанное, мы получимъ слѣдующее заключеніе о ходѣ передѣлокъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ, времени великаго князя Іоанна III. Къ старому основанію, возведенному въ 1343 году, [великимъ княземъ Василиемъ Дмитріевичемъ былъ только надстроенъ соборъ кирпичною кладкою на прежнемъ основаніи изъ бѣлаго камня, по плану и по фасаду схожему съ вышесказанными храмами Троицкимъ, Савинымъ и др., размѣромъ меньше], несомнѣнно, не тронутому, былъ устроенъ сводъ, а подъ нимъ казна — первая постройка новой кладки; затѣмъ около свода устроены вокругъ стѣнъ корридоры, а надъ ними палата и сѣни, наконецъ, проломана алтарная стѣна и устроена въ видѣ трехъ полукруговъ, а подъ этими полукругами, какъ въ корридорахъ, устроены казны. Эти данныя и другіе признаки, отчасти уже упомянутые, даютъ возможность сдѣлать заключеніе и о цѣли постройки. Когда наложенъ былъ сводъ на основаніе собора,—въ полукругъ и такъ широко, что средніе столбы остались въ серединѣ свода, вслѣдствіе чего основаніе, выстроенное по старымъ русскимъ пріемамъ, не могло выдержать этой тяжести упора, и появились признаки грозящаго расхожденія стѣнъ основанія собора. Чтобы предохранить соборъ отъ понятной опасности, какая грозила ему въ данномъ случаѣ, рѣшили связать основаніе новыми пристройками: для этого и пристроили кирпичные корридоры и казны вокругъ собора съ наружными и внутренними стѣнами и, какъ сказано по лѣтописи, около „подклѣта“ приложенные къ старому основанію собора, устроивъ предварительно подъ ними каменную, углубленную въ землю площадь, чтобы укрѣпить это основаніе собора, а надъ корридорами возведена палата и сѣни, своды которыхъ упираются въ надрубку какъ пилястръ, такъ и стѣнъ стараго основанія,—постройки великаго князя Василия Дмитріевича, а по необходимости устроить алтарные полукруги строители были вынуждены разломать алтарную стѣну „по казну и по подклѣтъ“. Сопоставляя эти заключенія съ извѣстіями лѣтописи, мы увидимъ, что они совершенно съ ней сходятся, кромѣ свода каменнаго; о всѣхъ этихъ постройкахъ и говоритъ лѣтопись: „разруши по казну и по подклѣтъ“, т. е. алтарную стѣну и входныя двери, „заложилъ казну каменну около того подклѣта“, — казна, устроенная подъ среднимъ алтаремъ, и „палату кирпичную съ казнами“ — теперешній придѣлъ св. Николая и корридоры съ сѣнями. О томъ, когда прилаженъ сводъ подъ поломъ, лѣтопись молчитъ, но, кажется, не нужно особой проницательности, чтобы заключить, что это относится ко времени, когда церковь была „подписана“ („подписанную только“), потому что только вслѣдствіе тяжести свода и понадобилось разрушить церковь, „подписанную только“. Что церковь была „подписана“ послѣ устройства пола, это вполне понятно: послѣ устройства свода полъ былъ приподнятъ и намного, такъ, что цокль оказался у пола, тогда какъ былъ почти по ростъ человѣка отъ стараго деревяннаго пола, какъ показали нѣкоторые слѣды, а поэтому старыя композиціи оказались велики для приподнятаго пола, и ихъ приходилось замѣнить новыми, вновь написанными (это послѣднее заключеніе я дѣлаю на основаніи открытыхъ мною изображеній, въ которыхъ именно замѣчается это явленіе: старая композиція замѣняется новою, схожею, но меньшихъ размѣровъ). А когда сводъ началъ распирать основаніе, пришлось рушить церковь, „подписанную только“ и связывать

Здѣсь же, на юго-восточной стѣнѣ, въ 1661-мъ году, Симонъ Ушаковъ написалъ Нерукотворенный образъ Спасителя ¹⁾).

основаніе разными постройками. Къ этому времени принадлежитъ еще пристройка, какъ бы особой церкви, съ основаніемъ заложеной между палатой и стѣнами, съ особыми стѣнами и стрѣльчатымъ сводомъ, примыкающими къ старымъ основаніямъ собора. Въ настоящее время эта постройка вошла въ составъ паперти, про которую лѣтопись подъ 1483 года 2-го Соф. Вр. указываетъ: „заложи церковь каменну, а за ней палату“, а подъ 1489 г. той же лѣтописи сказано: „освящена была церковь Василия Кессарійскаго придѣлъ у Благовѣщенья“. Судя по кладкѣ и размѣрамъ кирпича, къ этому же времени пристройки принадлежатъ наложенныя на старые своды четыре шеи съ главами, по архитектурѣ совершенно схожія съ главами Архангельскаго собора. Въ двухъ изъ нихъ подъ алтаремъ пробиты старые своды, а двѣ, безъ пробивки сводовъ, устроены фальшиво, только для наружнаго вида. Внутри собора устройство полатей или хоръ, какъ и входной лѣстницы на нихъ, сходятся съ постройкой временъ Іоанна III. Эта внутренняя пристройка полатей и средняго подъ поломъ свода была устроена до подписи собора, передъ разломкой алтарной стѣны между пилястрами внизъ до свода, раньше устроеннаго, а сверху подъ арки, на которыхъ лежатъ своды.

Позднія же постройки времени Іоанна IV только слѣдующія: паперть со стороны Москверѣки, а не со стороны Краснаго крыльца, какъ думаютъ нѣкоторые археологи, сводъ надъ лѣстницей и четыре малыхъ церкви, послѣднія изъ построенныхъ къ угламъ собора, надъ постройкой Іоанна III. Эти послѣднія пристройки рѣзко отличаются отъ построекъ временъ Іоанна III не только размѣромъ кирпича, стилемъ архитектуры, но и штукатуркой, которая штукатурена безъ гвоздей. Вырубка орнаментовъ на двухъ роскошныхъ, на паперти, дверяхъ, какъ и на карнизахъ, исполнена по рисункамъ, одинаковымъ съ наружнымъ украшеніемъ Архангельскаго собора, сдѣланнымъ послѣ постройки XV вѣка. Приведенныхъ заключеній мнѣ показалось достаточнымъ, чтобы утверждать, что старыя стѣны собора остались цѣлы при передѣлкахъ временъ Іоанна III.

Покончивъ съ этимъ главнымъ пунктомъ возраженій, направленныхъ относительно сохраненія собора времени великаго князя Василия Дмитріевича, мнѣ представилось очень легкимъ опровергнуть другія соображенія, на основаніи которыхъ доказывалась невѣроятность сохраненія на стѣнахъ собора стѣнописи первоначальнаго расписанія. Это—свидѣтельство 1508 года о расписаніи собора въ этомъ году послѣ постройки его великимъ княземъ Іоанномъ III въ 1483 году. На основаніи этого указа лѣтописи, предполагаютъ, что соборъ въ это время былъ расписанъ вновь. Однако, только стоитъ прочесть подлинныя слова лѣтописи, чтобы убѣдиться въ томъ, что никакого новаго расписанія не было, а была только позолота фоновъ и вѣнцовъ прежняго расписанія. „Князь Великій Василій Ивановичъ... повелѣ на своемъ дворѣ церковь Благовѣщенья подписать златомъ, также повелѣ всѣ иконы церковныя украсить и обложить серебромъ и золотомъ и бисеромъ, деисусъ, праздники и пророки, повелѣ же ихъ верхъ церковный покрыти и позолотити“. Смыслъ этихъ словъ слишкомъ ясенъ для того, чтобы останавливаться на его разъясненіи: очевидно, позолота была сдѣлана по старой стѣнописи, подобно тому, какъ были вызолочены старыя иконы. Спрашивается, когда же была первая роспись, если не въ XV столѣтіи?

Что касается пожара, то возраженіе, на немъ основанное, представляется нѣсколько непонятнымъ послѣ признанія возможности сохраненія стѣнописи послѣ пожаровъ, бывшихъ въ 1571 и 1737 годахъ. Пожары вообще и пожаръ 1547 года въ частности оказали, разумѣется, нѣкоторое разрушительное вліяніе на иконопись, однако, не такое большое, чтобы совсѣмъ уничтожить всѣ слѣды ея. Слѣды росписи, дѣйствительно, уничтожены тамъ, гдѣ потребовалось возобновленіе штукатурки, на мѣстахъ, особенно подвергавшихся порчѣ: вблизи пола и деревянныхъ предметовъ и проч., но тамъ, гдѣ сохранилась старая штукатурка (а сохранилась она во многихъ мѣстахъ, благодаря тому обстоятельству, что укрѣплена на гвоздяхъ),—сохранились и слѣды живописи тамъ, гдѣ не было перемѣны композицій; въ XVI столѣтіи иконопись XV вѣка сохраняется хоть со слабыми, но замѣтными колерами, а и послѣ пожара 1547 года иконопись только возобновляли съ нѣкоторой перемѣной композицій, противъ чего возставалъ Висковатый. Не разбирая технической кладки стѣнъ, одни эти свидѣтельства уже само собою указываютъ на сохраненіе иконописи времени великаго князя Василия Дмитріевича. Такимъ образомъ, результаты, добытые изъ изученія лѣтописей и остатковъ слѣдовъ древней постройки собора, не только не противорѣчатъ возможности сохраненія стѣнописи XV вѣка, но и прямо подтверждаютъ цѣлость ея. Если цѣлы старыя стѣны собора, расписанныя въ началѣ XV вѣка Андреемъ Рублевымъ

¹⁾ Г. Д. Филимоновъ. Симонъ Ушаковъ и современная ему эпоха русской иконописи, стр. 25.

Ту же паперть въ 1667 году разными красками расписываетъ иконописецъ Иванъ Филатовъ, подъ руководствомъ Ушакова ²⁾; двери же были расписаны грекомъ Апостоломъ Юрьевымъ ³⁾.

Изъ надписи на столпѣ у лѣваго клироса храма видно, что соборная стѣнопись была поновлена въ 1697 г.

Послѣ пожара 1737-го года въ храмѣ на паперти, какъ читаемъ мы въ одномъ документѣ, «отъ дождя бывала течь великая и поврежденіе не малое», и стѣнное письмо на паперти отъ капли отмокло и осыпалось. Согласно донесенію дворцоваго архитектора Мичурина, отъ 1742 года, стѣнное письмо въ соборѣ и на паперти облиняло и требовало исправленія ⁴⁾.

Однако, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тянулась канцелярская проволочка о томъ, какое вѣдомство обязано произвести реставрацію; «отъ долговременности,—говоритъ протоіерей Левшинъ,—все клонилось къ своему паденію: стѣны лишились своихъ украшеній, а угодниковъ начертанія не имѣли уже и самой тѣни представляемыхъ на нихъ предметовъ» ⁵⁾.

Лишь въ 1770-мъ году императрица Екатерина II приказала въ кремлевскихъ соборахъ иконное и стѣнное письмо внутри и снаружи реставрировать съ тѣмъ, «чтобы

съ братіей, и если производившіяся въ соборѣ передѣлки не могли разрушающимъ образомъ повліять на древнюю стѣнопись, то мы можемъ рассчитывать на восстановленіе этой стѣнописи въ двухъ видахъ: I) стѣнописи первоначальнаго расписанія при Рублевѣ и II) стѣнописи, извѣстнѣе о которой сообщено лѣтописью въ 1483 году.

²⁾ Московское Отдѣленіе Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора. Столбцы 175 г. № 604.

³⁾ Тамъ же. Столбецъ 174 г. № 170.

⁴⁾ И. Е. Забѣлинъ и гг. Холмогоровы. Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики гор. Москвы. Часть 1-я.

⁵⁾ 4-го апрѣля 1845 года архитекторы (съ Рихтеромъ во главѣ) Новаго Кремлевскаго Дворца писали вице-президенту Московской Дворцовой Конторы, барону Льву Карловичу Боду: «Для окончанія хоръ, вновь устроенныхъ во внутренности Благовѣщенскаго собора, необходимо нужно произвести масляную иконопись, какъ-то: на вновь сдѣланномъ сводѣ хоръ, по частямъ двухъ внутреннихъ столбовъ и по панелямъ стѣнъ хоръ, по откосу наружной двери хоръ, съ исправленіемъ по стѣнамъ хоръ и по откосу окна и вокругъ онаго въ нижней галлерей. Какіе-же должны быть изображены образы“, то они „тѣ же самые, которые существовали до передѣлки хоръ“. Вотъ описаніе этихъ работъ, заимствуемое изъ договора Киселева: „I. По верхнимъ частямъ двухъ столбовъ собора, существующихъ при хорахъ, — по столбу съ правой стороны два образа, въ ростъ, свв. Петра и Алексѣя митрополитовъ, съ лѣвой стороны по столбу свв. Филиппа и Іоны митрополитовъ; по срединѣ свода изображеніе Нерукотвореннаго образа, окруженнаго двумя ангелами и двумя образами (въ ростъ) свв. царицъ Елены и Александры; по пятамъ свода образа, въ ростъ, съ одной стороны св. царя Константина, свв. преподобныхъ—Сергія Радонежскаго, Никона, Никиты Переславскаго, Саввы Звенигородскаго и Михаила Блаженнаго; съ другой стороны св. князя Владиміра, преподобныхъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ, св. князя Александра Невскаго, Андрея Боголюбскаго и Василия Блаженнаго. Во внутренности всего откоса двери хоръ въ кругахъ—Спаситель, Божія Матерь, Іоаннъ Креститель, архангелы—Михаилъ и Гавріилъ, апостолы—Петръ и Павелъ и евангелисты -- Іоаннъ, Матѣей, Маркъ и Лука. Всѣ эти образы на золотомъ фонѣ, съ вѣнцами и уборкою по одеждѣ золотомъ. — По панелямъ хоръ Киселевъ сдѣлалъ бѣлую драпировку съ разноцвѣтными крестами, съ бляхами изъ золота и въ нижней галлерей церкви на западной сторонѣ ея, гдѣ устроено вновь окно, внутри откоса онаго по пилястрамъ и вокругъ окна, а равно и по капителямъ, расписано орнаментами по золотому фону“. Киселевъ старался, чтобы священныя изображенія на стѣнахъ имъ были написаны, „сколь возможно византійскимъ иконописнымъ стилемъ сообразно съ прочими частями собора“ (Моск. Отдѣленіе Общаго Архива Министр. Императорскаго Двора. Оп. 29, № 37/993—995).

оное исправленіе производилось водяными красками и написано было искусствомъ, какъ древнее, безъ отличія, и гдѣ было золото на стѣнахъ, тутъ и теперь употребить такое же, а не краску желтую». Приказано было, чтобы «въ сей иконописной и стѣнной работѣ были собраны живописцы не свѣтскіе, но духовные люди, которыхъ въ Москвѣ и въ монастыряхъ довольно пріискать можно, и чтобъ они производили свою работу съ благопристойностью, приличною Божиимъ освященнымъ храмамъ».

Въ Благовѣщенскомъ соборѣ работы произведены были съ августа до декабря; къ этому времени не была реставрирована стѣнопись на паперти.

Нѣсколько реставрацій стѣнныхъ росписей Благовѣщенскаго собора было произведено въ XIX столѣтіи. Чтобы судить о достоинствѣ этихъ возобновленій, достаточно замѣтить, что они производились масляными красками.

Въ 1845-мъ году, по случаю увеличенія хоръ собора и устройства перехода изъ дворца въ этотъ храмъ, художникъ Трофимъ Антоновичъ Киселевъ за 390 руб. вновь расписалъ хоры ¹⁾.

¹⁾ Приводимъ въ извлеченіи весьма интересную записку, составленную В. Д. Фартусовымъ (кстати замѣтимъ, человѣкомъ весьма увлекающимся), по поводу его открытія. „Московского Дворцовой конторой,—пишетъ Фартусовъ отъ 2-го августа 1882 г.,—поручена мнѣ промывка и заправка существующей стѣнной живописи и орнаментовъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Когда я приступилъ къ работѣ, подъ слѣпившимся слоемъ позднѣйшихъ красокъ въ среднемъ куполѣ я усмотрѣлъ признаки древнихъ первоначальныхъ расписаній, что меня заинтересовало и побудило къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. По сообщеніи о семъ г. главному архитектору, Николаю Александровичу Шохину, онъ, съ своей стороны, совѣтовалъ мнѣ продолжать изслѣдованія въ надеждѣ найти что-либо достопримѣчательное. По снятіи первыхъ слоевъ красокъ письма нынѣшняго столѣтія, открылась полная прописка масляными красками, по загрунтовкѣ бѣлилами, вѣроятно, временъ императрицы Екатерины II-й. Подъ этой пропиской оказалось письмо временъ императора Петра I-го (?), согласно съ описью собора. За этимъ письмомъ лежитъ слой фресковаго письма Новгородскаго стиля. Подъ этимъ слоемъ оказался густой слой черной копоти, какъ бы отъ пожара. По очисткѣ этой копоти, открылась основная тонкографія и первоначальный колеръ на яичномъ желткѣ, какъ видно, когда-то промытый и мѣстами заправленный. Достигнувъ успѣха, я рѣшился, съ разрѣшенія начальства Дворцовой Конторы, очистить до этого первоначального слоя иконописи весь плафонъ средняго купола. Открылось изображеніе Спасителя высоко-художественной работы. По строгости рисунка, по опытности письма, изящно-художественнымъ формамъ, нѣжности и правильности складокъ, подобнаго достоинства иконописной работы въ Россіи, кромѣ владимірскихъ соборовъ, гдѣ сохранилось такое же письмо въ весьма маломъ количествѣ, нигдѣ встрѣтить нельзя въ настоящее время. Этимъ же письмомъ расписана и паперть, что показываютъ сдѣланные мною по мѣстамъ опыты; первоначальный же слой писанія должно отнести къ началу XV вѣка, когда при великомъ князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ придворный его Благовѣщенскій соборъ расписывалъ извѣстный іеромонахъ Андроникова монастыря Андрей Рублевъ съ Теофаномъ Гречиномъ и старцемъ Прохоромъ, которые расписали его въ одинъ годъ. Въ 1547 году при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ IV былъ въ Москвѣ пожаръ, во время котораго въ кремлевскихъ соборахъ, въ томъ числѣ и Благовѣщенскомъ, погорѣло много иконъ, и расписаніе стѣнное также было попорчено. Послѣ возобновленія расписанія собора вызванными царемъ Іоанномъ Васильевичемъ IV новгородскими и псковскими иконописцами, современные москвичи громко высказывали свое неудовольствіе, какъ, напримѣръ, царскій дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый, который и пострадалъ за это, и всѣ сожалѣли о томъ, что иконы рублевской работы и его расписаніе (?) были пожаромъ уничтожены. Стало-быть, онѣ сохранились до сего времени. Отцы Стоглаваго собора, бывшаго въ это время, постановили правиломъ—иконописцамъ писать иконы по древнимъ греческимъ образцамъ, именно, какъ писалъ Андрей Рублевъ.—При настоящей реставраціи, въ нѣкоторыхъ частяхъ Благовѣщенскаго собора мною открыты и слѣды пожара, именно густой слой копоти, подъ которой

Въ 1882-мъ году стѣнописи Благовѣщенскаго собора были промыты и очищены отъ копоти и пыли, причемъ были заправлены пятна и поврежденные мѣста и возобновлена утратившаяся позолота.

Реставрацію эту производилъ академикъ живописи Викт. Дорим. Фартусовъ, который, работая въ главномъ куполѣ храма, подъ поврежденнымъ слоемъ существовавшихъ на лицо красокъ и копоти, открылъ признаки болѣе древняго расписанія.

Расчищенное имъ въ куполѣ изображеніе Спасителя (см. табл. XV), замѣчательное по своему художественному исполненію, Фартусовъ и старшій двор-

сохранилась древняя рублевская иконопись. Что эта иконопись принадлежитъ именно Рублеву, того есть еще подтвержденіе въ томъ, что и во владимірскомъ соборѣ открытая древняя иконопись, которую я осматривалъ съ гг. Забѣлинымъ и Румянцевымъ въ семь году, одного и того же стили и пріема письма, какъ и открытая мною иконопись въ Благовѣщенскомъ соборѣ, такъ что можно утвердительно сказать, что и первая и послѣдняя писаны одною рукою. А есть свѣдѣнія, что въ 1408 году старцы Даніиль Черный и Андрей Рублевъ ѣздили во Владиміръ расписывать тамъ соборъ Божіей Матери. Открытая первоначальная иконопись въ Благовѣщенскомъ соборѣ писана на яичномъ желткѣ, а новгородскіе и псковскіе иконописцы, расписывавшіе соборъ послѣ пожара при Іоаннѣ Грозномъ, писали альфреско, что доказывается сохранившимися во многихъ мѣстахъ изображеніями. При сравненіи сихъ послѣднихъ съ первою, высокое превосходство ея писанія съ перваго взгляда видно и простому нехудожественному глазу. Она писана по древнимъ греческимъ образцамъ и согласно съ сохранившимися древними греческими подлинниками, переведенными съ греческаго языка преосвященнымъ Порфиріемъ и напечатанными въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“. Писать по этимъ образцамъ за обязательный долгъ для всѣхъ иконописцевъ постановилъ Стоглавый соборъ, и въ настоящее время не мѣшало бы церковнымъ иконописцамъ слѣдовать этимъ образцамъ въ формахъ, типахъ и выраженіяхъ“... (Московское Отдѣленіе Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора. Дѣло Московскаго Дворцоваго Управленія о возстановленіи древней стѣнописи въ московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ. Томъ 1-й, лл. 14—19).

А вотъ и не менѣе интересныя наблюденія г. Фартусова надъ техникой расчищенныхъ имъ разныхъ слоевъ стѣнописи: „Колерами красокъ писали по мазанкѣ или штукатуркѣ, укрѣпленной на гвоздяхъ, которые набиты въ слои между кирпичами не очень часто; они, т. е. гвозди, длиною въ вершокъ, плоская круглая шляпка гвоздей съ полувершокъ въ діаметрѣ. Мазанка или штукатурка чисто бѣлаго цвѣта, толщиною въ $\frac{1}{4}$ вершка, мягковата и безъ признаковъ песку. Поверхность штукатурки чистая и гладкая; сперва по ней рисовали углемъ и очерчивали очень тонкой, почти едва замѣтной прорисью, какъ называются графли. Уголь чисто-на-чисто смывали, обводили тонкой кистью колеромъ, чтобы провѣрить рисунокъ и опредѣлить тѣни, по которымъ покрывали общимъ жидкимъ колеромъ, какъ тѣльные цвѣта, такъ и драпировки, постепенно усиливая и пополняя тѣнями и полутѣнями, безъ примѣси бѣлилъ. Эта техника стѣнописанія сохранилась похожей въ акварели по бумагѣ. Краски употребляли однѣ земляныя и преимущественно охру; зеленаго колера очень мало, а сѣроватосиняго еще меньше, цвѣтныхъ красокъ, какъ-то: лазури, кармину, киновари, сурику, яркой зелени и желтыхъ кроновъ не видно. Вторая подпись картинъ и реставрація собора внутри и пристройки открытой паперти, гдѣ цвѣтныя краски были подъ руками у иконописцевъ,—ими писали, но безъ разбѣла бѣлой краской. Манера и школа иконописанія съ первою одинаковая. Въ нихъ двухъ встрѣчается въ надписяхъ смѣшеніе греческихъ словъ съ славянскими. Третья пропись имѣетъ совсѣмъ другой характеръ и пріемъ техники; она исполняется такъ и по настоящее время при писаніи иконъ на деревѣ. Можетъ быть, необходимость заставила иконописцевъ перемѣнить техническіе пріемы на стѣнной иконописи, такъ какъ подъ этимъ слоемъ оказалась въ куполѣ копотъ, а въ нижнихъ частяхъ мелкія и крупныя трещины, въ которыхъ находится сильная чернота, хотя стѣны очень сильно промыты, при чемъ много подправлено и штукатурки. Эти мельчайшія трещины узенькой кисточкой замазывать бѣлилами, а по бѣлиламъ заправлять колерами, какъ видно, не имѣли желанія; а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый колоритъ потерялся такъ, что едва сохранились признаки его; то они, пографя общія фигуры и главные части для сохраненія стараго рисунка, покрывали тѣнями и накладывали на свѣтловыя части колеръ, одинъ другого свѣтлѣй, то есть

цовый архитекторъ Шохинъ относили къ началу XV вѣка (?), т.-е. къ работамъ знаменитаго Андрея Рублева и его товарищей ¹⁾).

Въ дѣлѣ принялъ горячее участіе графъ Анатолій Владиміровичъ Орловъ-Давыдовъ и сообщилъ объ открытіи Фартусова председателю Императорской Археологической Комиссіи и министру Императорскаго Двора, прося послѣдняго сдѣлать распоряженіе о дальнѣйшихъ изысканіяхъ.

По предложенію министра, т. с. П. А. Рихтеръ вмѣстѣ съ ректоромъ Императорской Академіи Художествъ по архитектурной части А. И. Резановымъ выработалъ проектъ реставраціи Благовѣщенскаго собора, одобренный 12 октября 1882 г. Государемъ Императоромъ.

Въ то же время состоялось Высочайшее повелѣніе—образовать при Министерствѣ Императорскаго Двора временную комиссію, состоящую подъ предѣтельствомъ графа А. В. Орлова-Давыдова, изъ членовъ — т. с. А. И. Резанова, д. с. с. И. Е. Забѣлина и академика живописи М. П. Боткина.

На общемъ совѣщаніи эти лица пришли къ слѣдующимъ выводамъ: „1) Обнаруженные въ куполѣ и на стѣнахъ паперти древнія фрески хотя носятъ отпечатокъ разныхъ эпохъ и школъ, но представляютъ высокій интересъ въ археологическомъ и въ художественномъ отношеніяхъ. 2) Не менѣе интереса возбуждаютъ скульптурныя украшенія на наличникахъ дверей собора XVI вѣка, искаженныхъ въ настоящее время грубою окраскою и позолотою, скрывающею ихъ первоначальныя очертанія. 3) Задача предполагаемыхъ по реставраціи собора работъ должна заключаться въ обнаруженіи сохранившихся подъ позднѣйшей живописью фресокъ въ томъ видѣ, какъ онѣ окажутся по снятіи слоевъ этой живописи. Исправленіе могущихъ оказаться поврежденій должно производиться съ величайшей осторожностью и подъ руководствомъ опытнаго техника. На тѣхъ же частяхъ стѣнъ, на которыхъ, по устраненіи позднѣйшей живописи, не окажется фресокъ, возстановлять въ точности устраненную живопись, употребляя, однакоже, при этомъ такіе технические приемы, которые по возможности приблизили бы исполненіе ея къ сохра-

пробѣла. Въ четвертой прописи никакой перемѣны въ технику нѣтъ, только бѣлила гораздо рѣже. Въ ней разница состоитъ въ томъ, что на самые свѣтлые пробѣлы клали почти бѣлой краской тоненькія полоски свѣта и отъ нея штрихи. Къ этому времени принадлежитъ, по всей вѣроятности, и бликовка золотомъ драпировокъ на иконахъ, такъ какъ встрѣчаются пробѣлы золотомъ и на стѣнной иконописи, такъ называемыя „въ кононку“. Сусальное золото положено на асисъ. Этимъ способомъ позолочены фоны и вѣнцы около ликовъ святыхъ вмѣсто желтоватаго колера. Пятая пропись писана тѣми же способами техники, но со стараніемъ умягчить какъ стѣны, такъ и драпировки, какъ называется въ сплавку, т. е., покрывая очень жидкими свѣтлыми колерами и тушуя одинъ съ другимъ. Шестая пропись была писана масляными красками, въ которой преимущественно большею частью написаны пробѣлы въ перо. Послѣ масляной прописи и прежде оной были заправки и возобновленія; но въ технику нѣтъ ничего замѣчательнаго въ перемѣнахъ. Сложенія перстовъ открываются разными... Способъ очистки мною употребляется слѣдующій: очищаемъ колера перочиннымъ ножомъ, при маломъ намачиваніи водою, очень рѣдко, и то только для уясненія цвѣта колера; другихъ же средствъ не употребляемъ, какъ-то: спиртовъ или какихъ-либо химическихъ растворовъ,—они были мною почти всѣ испытаны на этой работѣ, но оказались неудобными, потому что растворяютъ и первоначальный слой“ (Тамъ же л. л. 62—63).

¹⁾ Тамъ же, т. 1 лл. 6—10.

нившейся части стѣны фресковой живописи. 4) Для этой цѣли должно не иначе приступить къ работамъ по очисткѣ фресокъ, какъ по снятіи точной копіи (калька) съ существующей живописи, съ нанесеніемъ на нее акварелью главныхъ тоновъ и красокъ. Вѣрность этихъ копій (калькъ) должна быть надлежащимъ образомъ удостовѣрена. 5) Дальнѣйшее производство этихъ работъ поручить тому же художнику Фартусову и поставить на первую очередь реставрацію стѣнной живописи и архитектурныхъ украшеній на паперти собора». ¹⁾

Фартусовъ получилъ заказъ даже безъ обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ въ дворцовомъ вѣдомствѣ торговъ. По этому поводу графъ А. В. Орловъ-Давыдовъ, отъ 28 ноября 1882 г., между прочимъ, писалъ министру Императорскаго Двора: «Что касается до конкуренціи съ цѣлью уменьшенія расхода, то въ виду того, что подобная работа составляетъ своего рода спеціальность, что пробы, сдѣланныя до сихъ поръ художникомъ Фартусовымъ, не оставляютъ желать ничего лучшаго, слѣдовательно, достаточно свидѣтельствуютъ о его навыкѣ, что, наконецъ, представленіе такого дѣла торгамъ и спекуляціи было бы въ нѣкоторой степени опасно, гг. Резановъ и Боткинъ полагали бы оставить реставрацію живописи собора за г. Фартусовымъ даже и въ такомъ случаѣ, если бы онъ пожелалъ сохранить свои прежнія условія».

Однако, уже 29 ноября 1883 года, И. Е. Забѣлинъ представляетъ Комиссіи иконописцевъ Владимирской губерніи Мих. Степ. Голикова (с. Палехъ, Вязниковскаго уѣзда) и Осипа Семеновича Чирикова (слобод. Метеры) и Рязанской губерніи (и уѣзда, Новосельской волости, с. Пощукова) Ѳедора Сем. Кортнева, которые заявили, что «по ихъ наблюденіямъ, возобновленіе стѣнописи, исполняемое академикомъ Фартусовымъ, производится неправильно, что счищаются колера и вся раскраска, измѣняются фигуры и даже искажаются новою подкраскою или подрисовкою».

Не довольствуясь личнымъ заявленіемъ этихъ иконописцевъ, И. Е. Забѣлинъ еще 10 ноября отобралъ у нихъ и письменное, которое и было имъ приобщено къ дѣлу, къ протоколамъ Комиссіи. И хотя послѣдняя на этотъ разъ, провѣривъ, въ присутствіи иконописцевъ — критиковъ, работы г. Фартусова, нашла, «что расчистка производится правильно, обновленіе ни малѣйшаго ущерба красотѣ и достоинству древней стѣнописи не причиняетъ» ²⁾, но уже 10 ноября 1884 года члены Комиссіи находятъ въ работахъ названнаго художника отступленія отъ указаннаго ему способа реставраціи и именно въ подрисовкѣ фигуръ; а 18 декабря Резановъ и Боткинъ, между прочимъ, пишутъ графу Орлову-Давыдову: «Реставраторъ вначалѣ вель открытіе древней стѣнописи весьма успѣшно, но затѣмъ дозволилъ себѣ отступленія, вредныя для дѣла. Можетъ быть, что они были послѣдствіемъ нѣкотораго утомленія отъ долгой и кропотливой работы при снятіи нѣсколькихъ наслоеній; такъ что въ послѣднее время даже въ появляющихся пятнахъ

¹⁾ Тамъ же, лл. 25 об.—29.

²⁾ Тамъ же, лл. 46 и об.

художнику начали представляться формы и очертанія, которыя, дополняя и до-рисовывая, онъ превращалъ въ головы и фигуры, идущія, однако же, въ разрѣзъ съ общей композиціей. Всматриваясь въ нихъ, убѣждаешься, что ни одинъ хоро-шій старинный художникъ не испестрилъ бы такъ стѣны головами и руками безъ всякой связи и смысла. Главное достоинство древней живописи—высокая про-стота и нѣкоторая архаичность (?). Впрочемъ, г. Фартусовъ самъ сознался, что началъ видѣть эти образы уже послѣ двухлѣтней работы... Фартусовъ—реставра-торъ вошелъ въ совершенно чуждую ему роль».

Фартусовъ, будучи вынужденъ отказаться отъ продолженія своихъ работъ по реставраціи стѣнописи Благовѣщенскаго собора, счелъ себя особенно обиженнымъ по поводу обвиненія его въ умышенномъ измѣненіи и подрисовкѣ открываемыхъ фресокъ.

Въ своемъ объясненіи графу Орлову-Давыдову онъ, между прочимъ, говоритъ въ свое оправданіе: «Мысль о возможности создать такіе замѣчательно разнообраз-ные типы безъ эскиза, натуры, угля и карандаша, съ однимъ перочиннымъ но-жемъ въ рукѣ и кистью для ретуши, странна и невозможна потому, что этого не смогутъ сдѣлать самые лучшіе художники не только Россіи, но и всей Запад-ной Европы; не смогъ создать ничего подобнаго и я, работая даже въ храмѣ Христа Спасителя въ Москвѣ, хотя и написалъ тамъ до двухсотъ изображеній, употребляя всѣ силы своего знанія, со всѣми приспособленіями,—эскизами, карто-нами, этюдами съ натуры и проч. Тотъ фактъ, что при нѣкоторомъ навыкѣ даже мой помощникъ, который не въ состояніи безъ этихъ слѣдовъ написать не только такую, какая открыта, но и имѣющую нѣкоторое подобіе головку, легко восста-новляетъ черты рисунка замѣчательной правильности и красоты, служить этому еще бѣльшимъ подтвержденіемъ дѣйствительности существованія древняго рисунка, а не фантастическаго сочиненія его реставраторомъ, увлеченнымъ работой. Стоитъ взглянуть на открытыя и реставрированныя части изображенія или фотографиче-скіе снимки, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго» ¹⁾.

Продолженіе реставраціи отдано было иконописцу Н. М. Сафонову.

Составъ Комиссіи увеличенъ былъ новыми членами,—Конст. Мих. Быковскимъ, П. С. Сорокинымъ и А. М. Павлиновымъ.

14-го мая 1886 г. Ихъ Величества, будучи въ соборѣ, съ особымъ интересомъ обзрѣвали открытую отъ позднѣйшихъ наслоеній стѣнопись въ сводахъ и на стѣнахъ паперти. Государь при этомъ, между прочимъ, приказалъ, «чтобы при восстановленіи живописи открытыя древнія изображенія были возможно менѣе записаны».

Впослѣдствіи, когда состоялось разрѣшеніе на реставрацію стѣнописи и внутри самаго храма, Государь повелѣлъ «не употреблять при этомъ ни лака, ни мастики».

Реставрація была закончена въ 1895 году.

И. Е. Забѣлинъ составилъ проэктъ надписи надъ южнымъ и сѣвернымъ

¹⁾ Тамъ же, лл. 163—164.